

тическимъ нуждамъ промышленниковъ-раскольниковъ, именно обучать ихъ дѣтей практическому мореходству и товаровѣденію. «Для дальнѣйшаго образованія, — говоритъ онъ, — и не иначе какъ только въ интересахъ края, необходимо расширить кругъ преподаванія въ шкиперскомъ училищѣ съ введеніемъ краткаго курса товаровѣденія. Тогда смѣло можно надѣяться, что окончившіе и неокончившіе курсъ ученія при постоянномъ занятіи необходимѣйшими въ ихъ жизни предметами кораблевожденія и товаровѣденія, неизбежно и незамѣтно занимались бы и другими предметами, способствующими развитію умственныхъ способностей; а какъ вся масса народа, усвоивъ одинаковыя начала образованія, имѣла бы одинаковое направленіе мыслей, то питаемое нынѣ къ шкиперскимъ ученикамъ отчужденіе не имѣло бы мѣста, и образованіе скоро и прочно утвердилось бы въ народѣ, изъ котораго, не какъ изъ ограниченаго числа учениковъ, скорѣе явились бы ученые шкиперы, какъ равно торговля и промышленность скорѣе вышли бы изъ настоящаго дурнаго состоянія уже потому только, что образованный народъ правильнѣе можетъ смотрѣть на пользы свои и общественныя, и скорѣе сумѣлъ бы обратить на разныя нужды вниманіе правительства, которому не всегда возможно видѣть несообразности положеній, направленныхъ къ этимъ пользамъ и приносящихъ вмѣсто того вредъ. Я говорю объ этомъ съ такою увѣренностью потому, что уже и теперь ученики шкиперскаго училища, по окончаніи курса, выходятъ съ образованнымъ характеромъ и съ сознаниемъ самостоятельнаго труда, отличаясь вѣрностью взгляда и понятій, словомъ, усвоивъ тѣ образовательныя начала, при которыхъ дальнѣйшее совершенствованіе въ наукѣ переходитъ въ потребность; ученики же кемскаго уѣзднаго училища остаются совершенно безграмотными.»¹⁾ Такъ и раскольниковы дѣти, и даже сами отцы ихъ могутъ мало-по-малу полюбить, и уже начинаютъ понемногу любить свѣтъ западной науки, — лишь бы только умѣть раскрывать имъ этотъ свѣтъ въ его прямомъ, практическомъ и плодотворномъ приложеніи къ пользамъ и потребностямъ народной жизни, народнаго труда и благосостоянія.

А. Щаповъ.

¹⁾ Ibidem, стр. 13.

СЦЕНА ИЗЪ „КАИНА“,

Вайрона.

ВЪ БЕЗПРЕДЕЛЬНОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ.

КАИНЪ.

Не падая, по воздуху иду я,
Хотя боюсь упасть.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Вѣрь мнѣ—и воздухъ
Тебя поддержитъ: воздухъ мнѣ подвластенъ.

КАИНЪ.

Но не грѣшна ли вѣра эта?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Вѣрь

И будешь цѣль. Сомнѣнье—гибель. Такъ
Изрекъ тотъ духъ, что гордо называетъ
Меня злымъ духомъ въ сонмѣ херувимовъ,
И этотъ звукъ они передаютъ
Тѣмъ существамъ ничтожнымъ, у которыхъ
Есть ощущенія жалкія одни,
А знаній нѣтъ. Въ невѣденіи глубокомъ
То слово всѣ онѣ боготворятъ,
Которое до слуха ихъ коснулось,
И называютъ зломъ или добромъ
Все то, что имъ, рабамъ не скажутъ свыше.
Я не таковъ. Ты вѣрь мнѣ или не вѣрь,

А всеж увидишь повне міры ты
 Виѣ своего ничтожнаго мірка
 И за сомнѣнье въ жизни очень-краткой,
 За то, что ты узнаешь отъ меня—
 Не испытаешь жгучаго страданья.
 Придетъ тотъ часъ, когда одинъ изъ смертныхъ
 Заброшенъ въ море, смертному же скажетъ:
 «Ты вѣрь въ меня и по волнамъ иди»,
 И тотъ пойдетъ и не погибнетъ... Я же
 Не говорю, что вѣрь въ меня; условій
 Такихъ не предлагаю для спасенья...
 Лети со мной надъ безднами пространства
 И я тебѣ картины покажу,
 Которыхъ отрицать ты не посмѣешь—
 И то—картины прошлыхъ, настоящихъ
 И будущихъ міровъ...

КАИНЪ

О, добрый духъ
 Иль злой,—кто-бъ не былъ ты,—скажи мнѣ.
 Ужель я землю вижу?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Праха сынъ!
 Какъ ты глядишь, не узнавая праха,
 Который далъ отцу существованье?

КАИНЪ.

Ужель? вонъ эта точка голубая,
 Скользящая въ эфирѣ безконечномъ
 Съ другою точкой меньшею, похожей
 На свѣтляка, что блещетъ на землѣ
 Среди ночей?... И это рай нашъ? Гдѣ же
 Его ограда, стражи?...

ЛЮЦИФЕРЪ.

Покажи
 Расположене рай.

КАИНЪ.

Невозможно.
 Чѣмъ дальше мы летимъ съ тобой въ эфирѣ

Подобно свѣту солнца, тѣмъ все меньше
 Становится земля, окружена
 Сіяніемъ, подобнымъ блеску звѣздъ,
 И съ нашимъ удаленіемъ, какъ будто
 Она межъ звѣздъ желаетъ потеряться
 И мириады звѣздъ рождаются въ небѣ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Но чтобы думалъ ты, когда бы знать,
 Что есть міры, громаднѣй чѣмъ земля,
 Міры созданій высшихъ, и число ихъ
 Гораздо больше всѣхъ земныхъ пылинкокъ,
 Но все жъ они плодятся безконечно,
 Какъ атомы воздушные,—живутъ
 И думаютъ о смерти постоянно...
 Несчастные!...

КАИНЪ.

Я бы гордился мыслью,
 Которая обнять все это можетъ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Но если мысль высокая такая
 Сольется съ рабской массой существа
 И зная все, постигнуть пожелаетъ
 Всѣ знанія, то эти знанья будутъ
 Ей все же недоступны. Эта мысль
 Подавится тяжелой цѣпью нуждъ,
 Нуждъ призрачныхъ и жалкихъ и ничтожныхъ,—
 И лучшее изъ вашихъ наслажденій—
 Есть мелкій, но пріятный вамъ развратъ,
 Служившій только средствомъ къ возрожденью
 Другихъ существъ, во всемъ тебѣ подобныхъ
 И обреченныхъ смерти. Лишь однихъ
 Избранниковъ ждетъ счастье...

КАИНЪ.

Духъ! О смерти
 Одно я знаю, что она ужасна.
 Я слышалъ отъ родителей о томъ
 Наслѣдствѣ возмутительномъ, которымъ
 Обязанъ имъ не меньше жизни я,

Наслѣдствѣ, сколько знаю я, несчастномъ.
 Но если, духъ, должно случиться то,
 Что ты сказалъ,—(а внутренний мой голосъ
 Уже шепчетъ мнѣ пророческую муку
 Той истины)—позволь мнѣ здѣсь погибнуть
 И умереть... Давать намъ жизнь затѣмъ,
 Чтобы страдать и послѣ умереть намъ,
 Не то-ли же, что сѣять смерть повсюду
 И увеличивать убійство.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Весь

Ты не умрешь, и что-то есть такое,
 Что пережить должно тебя...

КАИНЪ

Объ этомъ

Не говорилъ мнѣ ангелъ, насъ изгнавшій
 Изъ рая съ смертнымъ приговоромъ. Но
 Пусть гибнетъ все во мнѣ, что гибнетъ въ людяхъ,
 Я, все жъ силенъ той искрой божества,
 Которая есть въ ангелахъ...

ЛЮЦИФЕРЪ.

Я самъ

Одинъ изъ нихъ. Не хочешь ли быть мною?

КАИНЪ.

Кто ты—не знаю я. Какъ ты силенъ
 Я вижу. Ты показалъ мнѣ много
 Вещей непостижимыхъ, непонятныхъ
 И недоступныхъ для моихъ понятій,
 А всѣ мои понятія ниже всѣхъ
 Моихъ желаній...

ЛЮЦИФЕРЪ.

Что твои желанья!

Униженная гордость ихъ живетъ,
 Чтобъ пресмыкаться въ прахъ съ червяками.

КАИНЪ.

Но ктожь ты самъ съ такой гордыней духа,
 Властитель и природы и безсмертья,
 А между тѣмъ, какъ будто, вѣчно грустный?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Я то, чѣмъ я кажусь тебѣ. Скажи мнѣ:
 Желаетъ ли безсмертнымъ быть?

КАИНЪ.

Не ты ли

Мнѣ говорилъ, что я безсмертнымъ буду
 Помимо воли. Это неизвѣстно
 Мнѣ было прежде. Если жъ неизбежно
 Должно такъ быть, то дай возможность мнѣ
 Понять безсмертье. Счастье въ немъ или нѣтъ?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Его ты уже понималъ прежде, чѣмъ
 Меня узналъ ты.

КАИНЪ.

Какъ же это?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Понималъ —

Страданіемъ.

КАИНЪ.

Такъ быть безсмертнымъ значитъ —
 Всегда страдать?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Ты угадалъ, и это

Твои потомки будутъ знать, какъ мы.
 Но посмотри! какъ все кругомъ прекрасно!

КАИНЪ.

О, ты эфиръ чудесный, безграничный!
 Вы массы звѣздъ, усыпавшія небо!
 Что вы? О, что такое этотъ воздухъ
 Лазурный, непредѣльный, гдѣ летимъ мы
 Какъ листья по теченью рѣкъ Эдема?
 Чтожь, есть движенію вашему конецъ?
 Иль вы должны носиться безконечно
 Надъ безднами воздушнаго пространства,
 Гдѣ отъ безсмертья словно въ ошьяненьи
 Моя душа... О, Боже, боги міра!

Ктобъ ни были вы всѣ, по вы прекрасны!
 Какъ безконечно, дивно хорошо
 Все, созданное вами! О, позвольте
 Мнѣ вѣчнымъ сномъ забыться, умереть,
 Какъ атому, (коль умираетъ атомъ)
 Иль дайте мнѣ проникнуть въ ваши силы
 И знанія... Нѣтъ, я не достоинъ,—
 Хотя я и прахъ,—всего того, что видѣлъ...
 О, Духъ! Пусть я умру иль все увижу
 Гораздо ближе...

ЛЮЦИФЕРЪ.

Развѣ же теперь
 Не близокъ ты? Взгляни на землю.

КАИНЪ.

Гдѣ же?

Я вижу только блескъ однихъ свѣтилъ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Смотри сюда...

КАИНЪ.

Не вижу.

ЛЮЦИФЕРЪ.

А земля

Блеститъ.

КАИНЪ.

Вотъ это?!

ЛЮЦИФЕРЪ.

Да.

КАИНЪ.

Могу ли вѣрить?

Да на землѣ ночные свѣтляки
 Въ травѣ и росяхъ въ сумракѣ полночномъ
 Гораздо ярче блещутъ, чѣмъ тотъ міръ,
 Который носитъ всѣхъ ихъ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Вотъ ты видѣлъ
 Міры и червяковъ. Тѣ и другіе
 Имѣютъ блескъ. Чтожъ думаешь о нихъ ты?

КАИНЪ.

Что всѣ они по своему прекрасны,
 Что ночь равно стоящая надъ ними—
 И красоту дающая имъ всѣмъ
 И робкому земному свѣтляку
 И всѣмъ свѣтиламъ въ быстромъ ихъ теченьи—
 Руководима кѣмъ-то...

ЛЮЦИФЕРЪ.

Кѣмъ же?

КАИНЪ.

Самъ

Ты покажи мнѣ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Смѣешь ли взглянуть ты?

КАИНЪ.

А какъ мнѣ знать? До этихъ поръ я могъ же
 Смотрѣть на все, что ты мнѣ показалъ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Впередъ же!.. Но кого ты хочешь видѣть:
 Иль смертныхъ иль безсмертныхъ? говори.

КАИНЪ.

Но что они такое?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Объясни мнѣ—

О чемъ ты думалъ?

КАИНЪ.

Только лишь о томъ,

Что видѣлъ я.

ЛЮЦИФЕРЪ.

А прежде что желалъ ты

Понять?

КАИНЪ.

Лишь то, чего не видѣлъ я
 И видѣть быль не долженъ—тайну смерти.

ЛЮЦИФЕРЪ.

А потому тебѣ я покажу
То, что мертвѣ,—какъ прежде показалъ я
На то, что никогда не умираетъ.

КАИНЪ.

Такъ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Ну, впередъ на нашихъ мощныхъ крыльяхъ!

КАИНЪ.

Какъ разсѣваемъ воздухъ мы! Вокругъ звѣзды
Мелькаютъ... Гдѣ жъ земля моя? На землю
Миѣ укажи.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Она осталась сзади.

Она гораздо меньше предъ вселенной,
Чѣмъ ты предъ ней... Но ты не думай, смертный,
Что отъ земли избавленъ. Ты вернешься
На землю вновь и прахъ сольется съ прахомъ.
Таковъ безсмертья нашего удѣлъ.

КАИНЪ.

Куда же ты ведешь меня?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Туда,

Что уже было раньше насъ съ тобою:
То первообразъ міра, предъ которымъ
Міръ-настоящій—только лишь обломокъ.

КАИНЪ.

Какъ! онъ не созданъ вновь?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Міръ, какъ и жизнь,
Начала не имѣютъ. Укажу я
Тебѣ и то, что было прежде насъ,
И то, что намъ казалось непонятнымъ.
Есть вещи, для которыхъ нѣтъ въ природѣ
Начала и конца, и много есть
Явленій, лишь по виду безконечныхъ,

Но мелкихъ и ничтожныхъ, какъ ты самъ.
Одно лишь время только и пространство,
Какъ вѣчность, неизмѣнны. Жизнь на срокъ
Смерть только праху назначаетъ;—ты же
Есть прахъ, и можешь то понять, что было
Когда-то съ прахомъ. Это ты увидишь.

КАИНЪ.

Духъ! Пусть я прахъ, но я готовъ все видѣть,
Что хочешь ты.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Впередъ же!

КАИНЪ.

Но какъ быстро

Въ эфирѣ гаснутъ звѣзды, а давно ли
Онѣ росли при нашемъ приближеньи.

ЛЮЦИФЕРЪ.

То—все міры.

КАИНЪ.

Есть рай на нихъ?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Быть можетъ.

КАИНЪ.

И люди есть?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Есть высшія созданья.

КАИНЪ.

И змѣи есть тамъ?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Могутъ ли безъ нихъ
Жить люди? Будто близъ двуногихъ тварей
И гадъ дышать не смѣетъ.

КАИНЪ.

О, какъ быстро
Бѣгутъ свѣтила!... Духъ! куда мы мчимся?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Въ міръ призраковъ, гдѣ прошлаго видѣнья
И будущаго тѣни.

КАИНЪ.

Мракъ все гуще
И гуще... звѣзды потухаютъ...

ЛЮЦИФЕРЪ.

Все же
Ты видишь.

КАИНЪ.

Страхъ сковалъ меня. Ни солнца,
Ни мѣсяца, ни яркихъ звѣздъ не видно
И въ пропасти эфира голубаго
Разлитъ печальный сумракъ... Все жъ я вижу
Какой-то міръ особый, непохожій
На тѣ міры, что видѣлъ на пути я,
Гдѣ дышетъ жизнь роскошная, гдѣ мы
Сквозь ихъ лучи умѣли разглядѣть
Поверхность ихъ съ долинами, горами...
Тѣ мечутъ искры яркія; другіе
Огромной массой водъ покрыты, третьи,
Какъ поясомъ, обвиты чистымъ свѣтомъ,
Вращаются со спутниками... Здѣсь же
Все кажется и темнымъ и ужаснымъ...

ЛЮЦИФЕРЪ.

Но ясно все... Желалъ ты видѣть смерть
Съ умершими?

КАИНЪ.

Нѣтъ не желалъ того я.
Когда жъ узналъ, что за грѣхи отца
И онъ, и я, и всѣ мои потомки
Подвластны этой смерти—я хочу
Взглянуть на смерть заранѣ...

ЛЮЦИФЕРЪ.

Такъ смотри же!

КАИНЪ.

Вокругъ—тьма одна...

ЛЮЦИФЕРЪ.

И такъ да будетъ вѣчно.
Ворота въ царство тьмы теперь отворимъ.

КАИНЪ.

Какъ облака, волнуются туманы....
Что здѣсь?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Войди жъ!

КАИНЪ.

А можно воротиться?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Воротись. На все свое есть время.
Здѣсь очень тѣсно съ будущимъ въ сравненіи,
Когда все царство смерти заселишь ты
Съ потомками своими.

КАИНЪ.

Облака
Вокругъ насъ рѣдѣютъ, быстро разлетаясь...

ЛЮЦИФЕРЪ.

Впередъ!

КАИНЪ.

А ты?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Не бойся. Лишь со мною
Ты могъ покинуть міръ свой... Такъ впередъ,
Впередъ-же!...

(Исчезаютъ въ облакахъ).

Дмитрій Минаевъ.

ДУРАКИ.

I.

У окна за пальцами
Дѣвушка сидитъ,
На нее съ волненіемъ
Юноша глядитъ.
Говоритъ порывисто —
Рядъ горячихъ словъ,
И изъ нихъ за каждое
Умереть готовъ.

* * *

Выходите, милая,
Замужъ за меня!
Съ непонятной силою
Къ вамъ привязанъ я.
Я, какъ сами знаете,
Баринъ небольшой,
Но любить умѣю я
Всей своей душой.
Сдѣлаю счастливою
Васъ я, навѣрняка...
А дѣвица думаетъ:
«Ахъ, какой дуракъ!»

802-14
12

T 25
7

Д Ъ Л О

ЖУРНАЛЬ

У Ч Е Н О - Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й .

№ 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1867.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. МОРИГЕРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРЕУЛКЪ, ДОМЪ ГАССЕ.